

Проспав всю ночь, Шиу проснулся с еще более отчетливыми синяками и ссадинами на теле. Поскольку на нем была лишь тонкая хлопковая белая рубашка, сквозь легкую ткань хорошо проступали жуткие пятна на бледной коже. С самого утра лицо то и дело прокатывали вареным яйцом и прикладывали горячие полотенца, так что опухоль с горем пополам немного спала. Из-за жара на лоб пришлось положить холодный компресс, чтобы сбить температуру. Позавтракав, Шиу через силу съел пиалу каши из красной фасоли и семян хавторнии для снятия отеков, а затем выпил отвар, прописанный лекарем — сплошная жидкость. С покрасневшим лицом его под руки отвели справить нужду, а когда он вернулся, то, хотя сам он добровольно выразил готовность продолжать работать, разъяренный двоюродный брат силой уложил его на тахту, завернул в одеяло, словно кокон, и велел спать дальше. Шиу и без того был большой любитель поспать, а из-за болезни и боли очень быстро вновь провалился в глубокий сон.

Цинь Юань за две прожитые жизни так и не научился о ком-либо заботиться. Его мать умерла рано, с самого детства за ним по пятам ходили и прислуживали няньки да кормилицы — разве могло ему выпасть на долю самому за кем-то ухаживать? То он, испугавшись духоты, прошлой ночью приоткрыл маленькое окошко, из-за чего Шиу, пропотев, пролежал в жару всю ночь, то действовал по наитию: придумает что-то сдуру и тут же валит все в одну кучу. Побуждения у него были самыми добрыми и искренними, да только вот желания расходились с возможностями. Сам же он относился к этому удивительно легко — или, вернее, просто еще не осознавал, где совершил промах. Убедившись, что Шиу крепко спит, он наказал Чжу Хун и остальным проявить особую заботу, переоделся, прихватил парочку слуг и уехал из поместья. И вовсе он не знал, что оставшаяся позади Чжу Хун мысленно возблагодарила небеса, искренне полагая, что лишь уход двоюродного барина из дома оставил Шиу хоть какой-то шанс на выживание.

Госпожа Цинь слегла еще прошлой ночью. Знатным дамам просто не пристало болеть пустяками так, чтобы об этом не стыдно было рассказать людям. Это лишь простолюдинки должны отличаться богатырским здоровьем, румянцем во всю щеку, да так, чтобы одна баба за двух мужиков соходила и доживала до девяноста девяти лет в добром здравии — таковы простые мирские чаяния. А вот такие женщины, как госпожа Цинь, должны ежедневно хворать хоть чуть-чуть, причем не чем-то серьезным, а непременно головными болями, головокружениями или круглый год страдать от неизбывного кашля при простуде, неизменно чахнуть, сетовать на слабый запас крови и жизненных сил и все в таком духе. Вчера госпожа Цинь рассердилась из-за племянника, и как раз некстати обострилась ее давняя мигрень — с тех пор она лежала в постели, не проглотив ни единого зернышка.

Господин Цинь ушел на утреннюю переключку, а старший и второй молодые господа дежурили у постели больной. Оба сына прекрасно знали, что матери ничего серьезного не угрожает, однако старший молодой господин Цинь Линь заливался горькими слезами: — Матушка, как же так, как же можно...

Госпожа Цинь полуприкрыла глаза, на ее лице не было ни капли пудры, и выглядела она скверно.

— Он зашел слишком далеко! — со злостью произнес Цинь Линь. — Пусть даже Шуанжуй в чем-то неправ, как можно было вот так вышвырнуть его из поместья?! Куда теперь девать мое лицо? Я почитал его за родного брата, как же он мог так поступить с моим слугой!

Дыхание госпожи Цинь было ровным и размеренным, казалось, она вовсе не слышит слов старшего сына. Высказавшись, Цинь Линь умолк, и кто-то услужливо подполз ближе на коленях, чтобы вытереть ему слезы. Из внешней комнаты вошла служанка из числа личных приближенных госпожи Цинь, остановилась за жемчужной занавесью и мягко произнесла: — Матушка, пришел молодой господин из побочной ветви.

Старший молодой господин тут же попытался подняться, но из-за полога послышался бесстрастный голос госпожи Цинь: — Раз пришел, почему не входит?

Двое слуг шагнули вперед, чтобы накинуть на госпожу Цинь верхнее халатец, а служанка вышла наружу, чтобы проводить Цинь Юаня внутрь. Когда Цинь Юань приблизился, хозяйка еще не переделалась в парадное платье, поэтому он остановился за жемчужным пологом и передал резную сандаловую шкатулку служанке, чтобы та поднесла ее от его имени. Цинь Юань вовсе не собирался извиняться или давать объяснения вчерашнему происшествию, он даже не стал вести пустых разговоров с двумя младшими братьями. Напротив, он выглядел так, будто и вправду пришел справиться о здоровье госпожи Цинь, и лишь желал матушке побереечь себя, заняться лечением и полноценным отдыхом, дабы не перенапрягаться и не подрывать душевные силы. И пусть даже в сердце госпожи Цинь клокотал гнев, но на гостя с улыбкой руку не поднимут, так что ей пришлось сдерживать раздражение и приподняться на постели. Из-за жемчужного полога она бросила взгляд на расплывчатый силуэт и улыбнулась по-прежнему: — Все мы одна семья, и раз у Сяююаня есть такое внимание, тетушка уже довольна.

— В аптеке Дэцзита я отобрал одно средство в подарок тетушке, — слегка улыбнулся Цинь Юань. — Если матушка не брезгует, будет неплохо в обычные дни заваривать его и пить вместо чая. Госпожа Цинь слегка изменилась в лице. Как только Цинь Юань ушел, она велела принести деревянную шкатулку, чтобы взглянуть на подарок. Женьшень оказался поистине превосходным — тот, что обычно закупали для нужд семьи, не шел ни в какое сравнение с этим корнем. Подобные товары, которые Децзита приберегал для подношений императорскому двору, невозможно было достать просто так, за деньги. Всего за несколько дней Цинь Юань успел сблизиться с городской знатью и, как оказалось, преуспел в этом даже больше, чем родные сыновья господина Цинь, выросшие в столице. Ему без труда удалось раздобыть то, о чем другие могли лишь мечтать. Размышляя о зрелости племянника, госпожа Цинь почувствовала, что будущее этого юноши будет выдающимся. Впрочем, вспомнив, как вчера он заставил её потерять лицо на глазах у всех, она снова ощутила неприятный осадок. Но тут же подумала: его мать рано скончалась, воспитывать племянника некому, да и молод он ещё — неудивительно, что в житейских делах у него случаются промахи.

Цинь Линь спросил: Матушка, неужели вы так просто...

Госпожа Цинь опомнилась и с ленцой в голосе произнесла: Тебя ещё не отчитала. Твой слуга погряз в долгах из-за азартных игр, а ты всё его выгораживаешь? По-моему, этот Шуанжуй и сам не знает, как ценить свое счастье, так что лучше поскорее от него избавиться.

Цинь Линь, полный досады, вернулся в свои покои вместе с младшим братом, где они принялись вдвоем бранить двоюродного брата. Однако прошло несколько дней, и Цинь Юань прислал старшему брату нефритовую подвеску — символ удачи. Гнев того мгновенно улетучился. Младший брат, глядя на это, досадовал лишь о том, что у него нет своего слуги,

чтобы тот тоже задел этого Шиу, глядишь, и ему бы достался ценный нефрит. Впрочем, это уже совсем другая история.

Цинь Юань, выйдя из покоев госпожи Цинь, направился обратно. Шиу всё ещё спал, жар пока не спал, и его бледная кожа слегка порозовела. Чжу Хун и остальные ухаживали за ним с величайшим усердием, даже смазали губы мальчика медом, чтобы они не пересыхали от болезни. Цинь Юань тихо переоделся, сел у изголовья кровати и осторожно надел на шею Шиу красную нить.

Брови Шиу слегка дрогнули, веки затрепетали, и он резко распахнул глаза, словно испугавшись. Цинь Юань, не ожидавший, что разбудит мальчика, припомнил, как тот встрепенулся в прошлый раз, и поспешил успокоить его, коснувшись лба: Это я, твой старший брат, всё хорошо, не бойся, это я тебя напугал.

Шиу, приходя в себя после забытья, услышал эти слова, закусил губу и ощутил сладкий вкус меда. Странно, ведь он никогда не любил сладкое, но сейчас этот вкус совсем его не раздражал.

Испугался? — Цинь Юань пытался угадать мысли мальчика. — Я надел на тебя одну вещь, только что принёс. Спешил, поэтому лучшего мастера найти не удалось. Посмотри, нравится тебе?

Шиу осознал, что у него на шее что-то появилось. Он поднял руку и увидел: на красной нити висел золотой замок с искусным узором. На лицевой стороне было выгравировано Пожелание благополучия, а на обороте — Пожелание долголетия. Там же были начертаны бесчисленные мелкие иероглифы с добрыми словами. Замок был отлит из чистого золота, не только изящный в работе, но и яркий, он сиял в лучах солнца. Шиу прошептал: Замок долголетия.

Верно, — ответил Цинь Юань. — У других детей есть, а у тебя я не увидел, решил восполнить пробел.

Шиу подумал о том, что когда-то у него тоже был такой.

Когда он родился, был слаб здоровьем, и родители, жалея его, чтобы он рос здоровым и жил спокойно, увешали его шею золотыми замками долголетия и спокойствия, на запястья и лодыжки надели золотые и серебряные браслеты, а на грудь повесили волчий клык, привезенный из Мосэ, чтобы отгонять злых духов. На поясе висел защитный нефрит — поговаривали, что разбиваясь, он отводит беду. А золотой буддийский медальон, который отец вымолил, долго стоя на коленях перед алтарем, после благословения настоятеля лежал у него под подушкой, оберегая его сон. Трижды в год, в дни рождения бодхисаттв, мать брала его на руки и лично шла в храм, молясь об одном — чтобы сын рос в безопасности. Только ребенок, которого лелеяли как зеницу ока, мог быть с головы до ног увешан такими золотыми и нефритовыми украшениями. И неважно, верил он в это или нет — от него не требовали богатства и успеха, лишь мира и радости.

Однако минули годы, и он почти забыл, где жил когда-то, и, конечно же, не помнил, где и когда потерял тот замок.

Но теперь у него снова был такой.

Цинь Юань смотрел, как юноша, опустив взор, разглядывает золотой замок, а потом вдруг поднимает глаза и пытается сесть, сбросив одеяло. Цинь Юань не помог ему, а лишь нахмурился: Ты что, собрался встать на колени, чтобы поблагодарить меня?

Шиу замер, а затем медленно лег обратно, подтянув одеяло, словно всё это было лишь плодом воображения двоюродного брата.

Цинь Юань напустил на себя суровый вид: Если посмеешь встать на колени, я заберу замок обратно!

Шиу, сжимавший замок в руке, тут же крепче стиснул пальцы, а затем медленно их разжал.

Цинь Юань, увидев, что мальчик принял его шутку всерьёз, одновременно рассмеялся и ощутил странную теплоту на душе — он понял, что подарок пришелся по вкусу. Он был очень доволен, но не желал этого показывать, поэтому, как обычно, велел позвать слуг, чтобы поторопили с обедом и приготовили отвар. Взглянув на Шиу, который всё ещё лежал в постели, он небрежно бросил: Шучу я. Раз подарил, значит, вещь теперь твоя, носи её всю жизнь.

<http://bllate.org/book/24569/2883621>